

Солярис с солирующим альтом

Напрасно Юрий Башмет не внял гласу администраторов БЗК, совершенствуя "Ромео и Джульетту" и издуряя "Новую Россию" до половины восьмого. Эта попытка надыхаться перед неизбежным и не помогла оркестру, и не оправдала включения сюиты Прокофьева в концерт, а вдобавок опозданием на час сбила "прихожанам", прибывшим на Литургию Гии Канчели, особый настрой, который был так необходим. Даже самая смиренная паства возроптала бы.

Увы, пожалуй, все соседствующее с Литургией "Оплаканный ветром" — заведомым центром программы — оказалось балластом. Уравновешивать трагизм и философичность, как всегда, очень тихой и медленной музыки Канчели прокофьевской фонтанирующей энергетикой во втором отделении, даже со "Смертью Джульетты" (какой-то театральной в этом контексте), было ни к чему, как вряд ли целесообразно смотреть подраж, скажем, "Смерть в Венеции" и "Вестсайдскую историю". Романс Леденева для альты с оркестром тоже был бы воспринят иначе, не выполняя он функцию охлаждения публики (обычно говорят "разогрева") или пролога. А представить бесспорно замечательного юного пианиста, стипендиата Фонда Башмета Мирослава Култышева с Первым концертом Прокофьева можно было в любой другой программе "Новой России".

Литургию Канчели (с американцем Феликсом Крутликовым за пультом) услышали в Москве впервые. 13 лет назад на фестивале "Berliner Festwoche" ее представили миру оркестр Кировского театра с Валерием Гергиевым. Далее она звучала на двух Сахаровских фестивалях в Нижнем Новгороде. В 1997 году на BMG вышел диск Башмета и Грузинского симфонического оркестра под управлением Джансуга Кахидзе (правда, запись сделана за два года до берлинской премьеры). Теперь ее хорошо знают в Европе. Пожалуй, сейчас звучать вновь ей было самое время — Грузия снова переживает сложные времена. Хотя при взгляде на иные сочинения Канчели ("После слез", "Безрадостные мысли", "Ушел, чтобы не видеть", "Жизнь без Рождества" и др.) понимаешь: многое в его творчестве — о тяжелых временах, и трагедия, как у Эсхила, — наполовину ритуальное действо — привлекает Канчели известной способностью очищать. Даже юмор Канчели не

противоречит этому, ибо, как известно, усиливает трагизм.

Как и знаменитый "Стикс", Литургия написана по просьбе Юрия Башмета, посвящена ему, уже непревзойденному ее исполнителю, и, естественно, содержит внушительную партию солирующего альты, воплощающего и авторский голос, и некую бестелесную экзистенцию. А побуждающим мотивом к сочинению стала кончина близкого друга Канчели, музыковеда, философа, председателя Союза композиторов Грузии Гиви Орджоникидзе, посвящение памяти которого значится в партитуре. Некий образный строй определяет и заголовок — "Оплаканный ветром", взятый из стихотворения трагически погибшего поэта-антисоветчика Галлактиона Табидзе.

Большому мастеру вроде бы тесно в рамках заданного жанра, и все же он не избегает жанрового обозначения. Литургия (причем не единственная) у Канчели, ясно, не древнеримская повинность, но и не православная служба, хотя четыре части симфонической фрески перекликаются с тремя раздѣлами обедни и последующим поминовением. Но композитор явно имеет в виду самое широкое и простое толкование: литургия — "общее дело". Общественная служба, главное назначение которой в обогащении духа человека живущего, который мистическим образом сообщается с ноосферой, мудростью ушедших поколений. Как всегда, трагедия у Канчели без жизнеутверждения невозможна. Светлое завершение Литургии и неожиданно, и логично: оно открывает новую страницу жизни, как врата рая пред чистой душой. Трудно произвести большее впечатление, нежели контрастом глобальной катастрофы, тотального конца и внезапным умиротворением — началом, надеждой на будущее. Литургия Канчели — музыка изысканий, медитативность и мнимая несобытийность которой, иногда прерываемая громогласными крушениями, требует от слушателя высокой концентрации и доброй воли, но что еще важно — времени на некое "послелышание", желательно долее антракта. И тогда музыкальное поглощение утраты отзывается "зубной болью в сердце", а "колыхание океана" в музыке (выражение Башмета) становится движением Соляриса, океана мыслящего.

Татьяна ДАВЫДОВА

Литургия. — 2004. — 29 янв. — 4 февр. — с. 13